

Завораживает... Эггерс пишет на чистом адреналине. Это роман идей о деконструкции частной жизни, о том, как нашей частной жизнью завладевают корпорации, и о том, как это может повлиять на природу демократии... Подобно «Пекоду» у Мелвилла и отелю «Оверлук» у Стивена Кинга, «Сфера» — одновременно физическое вместилище, финансовая система, состояние духа и действующее лицо. Этикет сфероидов тонко отлажен — не хуже, чем у героинь Джейн Остен... Эггерс жонглирует материалом с наслаждением и восхитительной изобретательностью, его язык рябит и видоизменяется. Этот роман — прекрасное развлечение не самого простого сорта.

Маргарет Этвуд, The New York Review of Books

Обаяние и мощь этого романа можно объяснить «актуальностью» или «своевременностью», но все эти проходные слова вовсе не передают его уникальности... Просто великолепная история, чарующая героиня, блестяще выписанные второстепенные персонажи и непредсказуемый сюжет... Выводы кое-кого могут и испугать, однако чтение — чистое удовольствие.

The New York Times Magazine

Не оторваться... Социальный посыл романа ясен, и Эггерс мастерски вплетает его в элегантную притчу... Совершаешь страшное открытие: персонажей приводит к краху то самое помешательство на технологиях, которое владеет и тобой. Мы, читатели, тоже хотим знать всё — смотреть, следить, комментировать, общаться, — и глубокая проза Эггерса блистательно обнажает рискованность наших желаний.

Vanity Fair

В этом напряженном, клаустрофобском корпоративном триллере Эггерс обрушивается на культуру цифрового перенасыщения, создает антиутопию, в которой все, что не запрещено, — обязательно... Эггерс чутко улавливает контекст и ярко живописует, как мгновенные и асинхронные коммуникации подрывают наши отношения друг с другом... «Сфера» — гипотетическое построение в духе Джорджа Оруэлла... Мы используем социальные сети, которые используются против нас; мы тегируем фотографии, которые могут привести преступника к нашему дому и к школе наших детей, — и все это мы делаем, отчетливо сознавая возможные последствия. Мы зажмурились и сказали «да». Все ведь так делают, правильно? В цифровую эпоху лучше отказаться от безопасности, чем оказаться изгоем.

San Francisco Chronicle

Роман откликается на актуальные заголовки СМИ: частная жизнь, технологии, социальные сети. Он начинается как дурашливое предостережение и внезапно обрушивается на нас неотступной клаустрофобией.

CNN

Потрясающе... Эггерс пишет мощно, и ближе к концу книги накатывает ужас, а от финальной сцены стынет кровь.

The New York Times Book Review

Плюньте на твит, который вы сочиняете для своих 484 фолловеров. Не кликайте «Мне нравится» под фейсбушной фоткой детей вашего приятеля. «Сфера» — страшный и увлекательный роман Дэйва Эггерса о всепроникающих щупальцах самой могущественной на свете интернет-компании — потребует от вас вдумчивого и пристального внимания.

Entertainment Weekly

«Сфера» — мастерский современный гибрид остроумия Свифта и оруэлловских предсказаний... своевременная книга, наиточнейшая сатира на раннюю интернет-эпоху. Страницы полнятся ироничными, правдоподобными, пугающими идеями, и есть подозрение, что где-то эти идеи уже находятся в разработке прямо сейчас. И это очень смешная книга. Пророческий, крайне важный и бесконечно увлекательный роман.

The Guardian

Дэйв Эггерс стремительно превращается в самого яростного и неотразимого автора на темной стороне технологий. «Сфера» — захватывающее и крайне тревожное чтение.

The Sunday Times

«Сфера» — глубокий и причудливый роман, он увлекает, потрясает и лишний раз доказывает, что Дэйв Эггерс — один из самых интересных современных романистов.

The Scotsman

Если, прочтя «Сферу», публика заподозрит, что «Гугл» — хотя бы чуточку зло, — значит, Дэйв Эггерс написал мощный, подрывной роман. Это антитехнологический манифест, который прикидывается триллером Дэна Брауна.

Bloomberg Businessweek

THE CIRCLE

a novel

DAVE EGGERS

СФЕРА

роман

ДЭЙВ ЭГГЕРС

phantom press

Москва

THE CIRCLE
Copyright © 2013, Dave Eggers
All rights reserved

Все права защищены.

Любое воспроизведение, полное или частичное, в том числе на интернет-ресурсах, а также запись в электронной форме для частного или публичного использования возможны только с разрешения владельца авторских прав.

Книга издана с любезного согласия автора и при содействии The Wylie Agency.

Перевод с английского Анастасии Грызуновой
Оформление обложки Елены Сергеевой

Дэйв Эггерс

Э17 Сфера. — Пер. с англ. А. Грызуновой. — М.: Фантом Пресс, 2023. — 448 с.

Мэй Холланд крупно повезло. Она работает в идеальной компании «Сфера» — союз блистательных умов поколения, где все прислушиваются ко всем и все вдохновенно совершенствуют мир. Здесь Мэй окружают единомышленники, ее любят, ее труд ценят, начальство тревожится о ее личном благополучии и здоровье родных, а за просчеты критикуют мягко, потому что в Мэй верят. «Сфера» — технологический исполин, неуклонно шагающий по пути абсолютного добра. Мир прекрасен всюду, где его коснулась «Сфера», которая творит новый мир — мир без преступлений и преступности, где твоя жизнь — открытая книга; мир без секретов, без зависти и зла. Залогинься, ставь «лайки», дружи — и будет тебе счастье навсегда. В мире «Сферы» граждане сообща улучшают абсолютно прозрачный мир, в котором не осталось больше грязных тайн. И вообще никаких тайн не осталось. Ну в самом деле: если ты не делаешь ничего дурного, зачем тебе что-то скрывать?..

Роман лидера новой волны американской литературы критики окрестили «хипстерским “1984”». Начинаясь как милая, полная всеобщей любви и дружбы, история о рае медиасетей постепенно перерастает в тревожную, апокалиптическую антиутопию, пугающую и завораживающую своей неотвратимостью.

© Анастасия Грызунова, перевод, 2014, 2017

© «Фантом Пресс», оформление, 2023

© «Фантом Пресс», издание, 2014, 2017, 2023

*Будущее сулило безграничные, беспредельные возможности.
Счастья у людей будет ну прямо полные штаны!*

ДЖОН СТЕЙНБЕК.
*К востоку от Эдема*¹

¹ Пер. О. Сороки и Г. Злобина. — *Здесь и далее примеч. перев.*

КНИГА I

БОГ ТЫ МОЙ, подумала Мэй. Я в раю.

Кампус оказался обширен и сумбурен, тихоокеанская лазурь ослепляла, и однако все здесь было продумано до мельчайших деталей и сработано выразительнейшими руками. Там, где некогда располагалась верфь, затем автомобильный кинотеатр, затем блошинный рынок, а затем руины, теперь возникли перекатистые зеленые холмы и фонтан Калатравы¹. И поляна для пикников, где кругами стоят столы. И теннисные корты — грунт и трава. И волейбольная площадка, где, петляя, точно ручейки, с визгом носились малыши из корпоративного детсада. И посреди всего этого — рабочие корпуса, четыреста акров матовой стали и стекла, штаб-квартира влиятельнейшей компании мира. Над головой — синее небо без изъяна.

Безуспешно прикидываясь здесь своей, Мэй шагала со стоянки к центральному вестибюлю. Дорожка вилась меж лимонных и апельсиновых деревьев, и кое-где вместо блекло-красных булыжников маячили плитки с вдохновляющими советами. «Мечтай», — лазерной резьбой по красному рекомендовала одна плитка. «Вливайся», — говорила другая. Их тут были десятки. «Найди сообщество». «Изобретай». «Вообрази». Мэй едва не отдала

¹ Сантьяго Калатрава (р. 1951) — испанский скульптор и архитектор, футурист, работающий в стиле биотек.

руку молодому человеку в сером комбинезоне; юноша вделывал новую плитку с подсказкой «Дыши».

Солнечный июньский понедельник; Мэй стояла у дверей центрального вестибюля под вытравленным на стекле логотипом. Компании не минуло и шести лет, однако ее название и логотип — плетеная решетка в шаре, с маленькой «с» в центре — уже общеизвестны. Здесь, в центральном кампусе, трудилось десять с лишним тысяч человек, но у «Сферы» офисы по всей планете, и каждую неделю приходят сотни новых молодых дарований. По результатам опросов, «Сфера» четыре года подряд считается самой привлекательной компанией на свете.

Если б не Энни, Мэй и в голову бы не пришло, что можно сюда устроиться. Энни двумя годами старше, они с Мэй три семестра делили комнату в уродской студенческой общаге, где жизнь была сносна лишь благодаря их замечательной дружбе, как бы подруги, но как бы и сестры — двоюродные, которые жалеют, что не родные, тогда можно было бы не расставаться. В первый месяц их совместного проживания Мэй как-то в сумерках сломала челюсть: голодная, гриппозная, свалилась в обморок посреди сессии. Энни велела ей лежать, но Мэй пошла в «Семь-одиннадцать» за кофеином и очнулась на тротуаре под деревцем. Энни отвезла ее в больницу, подождала, пока челюсть подремонтируют, дежурила с Мэй, спала у койки на деревянном стуле, а затем, уже дома, дни напролет кормила Мэй через трубочку. Такой бешеной лояльности и мастерства Мэй никогда не встречала у плюсминус сверстников и с тех пор была предана Энни безгранично — сама не подозревала, что на такое способна.

Мэй училась в Карлтонском колледже, дрейфуя от одной специализации к другой, то история искусств, то маркетинг, то психология, в итоге защитила диплом психолога и работать по профессии не планировала; а Энни между тем получила МБА в Стэнфорде, и ее жаждали нанять все подряд, особенно «Сфера», где она и очутилась

спустя считанные дни после окончания магистратуры. Теперь она занимала высоченную должность — директор по обеспечению будущего, шутила она, — и уговорила Мэй попроситься сюда на работу. Мэй так и поступила, и хотя Энни уверяла, что она тут ни при чем, Мэй была уверена, что без Энни не обошлось, и считала, что обязана ей по гроб жизни. Миллион людей, а то и миллиард, мечтали оказаться там, где сейчас была Мэй, — перед этим атриумом тридцати футов высотой, прошитым калифорнийским солнцем, в первый день работы на единственную компанию, от которой взаправду что-то зависит.

Мэй толкнула тяжелую дверь. Вестибюль был длинный, как променада, высокий, точно собор. Наверху сплошь офисы, с двух сторон по четыре этажа, все стены стеклянные. Голова слегка закружилась, Мэй опустила взгляд и в чистом блестящем полу увидела свое встревоженное лицо. Почувствовав, что за спиной кто-то стоит, она сложила губы в улыбку.

— Ты, наверное, Мэй.

Мэй обернулась и узрела красивую головку над алым шарфом и белой шелковой блузкой.

— Я Рената.

— Привет, Рената. Я ищу...

— Энни. Я знаю. Она уже идет. — В ухе у Ренаты плямкнула цифровая капелька. — Собственно, она... — Рената смотрела на Мэй, но видела нечто другое. Ретинальный интерфейс, решила Мэй. Еще одно местное изобретение. — Она на «Диком Западе», — сказала Рената, снова фокусируя взгляд на Мэй, — но скоро появится.

Мэй улыбнулась:

— Надеюсь, она на выносливой лошади и запаслась сухарями.

Рената вежливо улыбнулась, но не рассмеялась. Мэй знала, что здесь принято называть корпуса в честь разных исторических эпох; так гигантский кампус менее безличен, менее корпоративен. Уж явно лучше «строения

восточного 3б», где прежде трудилась Мэй. Последний день ее работы в коммунальной службе родного города истек лишь три недели назад — они все аж остолбенели, когда она подала заявление об уходе, — но Мэй уже не понимала, как умудрилась просадить там столько времени. Туда вам и дорога, подумала она, и каторге вашей, и всему, что за ней стоит.

Ренате по-прежнему сигнализировали из наушника.

— Ой, погоди, — сказала она. — Энни говорит, что увязла. — И просияла: — Давай я тебя к столу отведу? Она говорит, что зайдет через часок.

От этих слов, «к твоему столу», Мэй окатило восторгом, и на ум тотчас пришел отец. Он гордился. *Так горжусь*, поведал он ее голосовой почте часа в четыре утра. Мэй услышала, когда проснулась. *Так сильно горжусь*, сказал он — у него даже горло перехватывало. Мэй окончила колледж два года назад, и поглядите-ка: выгодно устроилась в «Сферу»; медицинская страховка; жилье в городе; не садится на шею родителям, у которых своих забот хватает.

Следом за Ренатой Мэй вышла из атриума. На лужайке двое молодых людей сидели в пятнистом свете на искусственном холмике и жарко беседовали над каким-то прозрачным планшетом.

— Ты будешь в «Возрождении», — сказала Рената, ткнув пальцем в корпус за лужайкой — сплошь стекло и окисленная медь. — Все из Чувств Клиента сидят там. В гости раньше приходила?

Мэй кивнула:

— Ну да. Несколько раз, но не в этот корпус.

— Значит, бассейн ты видела, спорткомплекс видела. — Рената махнула на голубой параллелограмм и остроугольное здание спортзала за ним. — Там у нас йога, кроссфит, пилатес, массаж. Велотренажеры — ты, говорят, педали крутишь? Дальше там площадка для бочке и поставили новый снаряд для тетербола. Через

газон — кафетерий... — Рената указала на соблазнительный травянистый склон, где разлеглась на солнышке молодёжь в костюмах и при галстуках. — Пришли.

Они остановились перед «Возрождением» — здесь тоже имелся сорокафутовый атриум, а над ним медленно крутился мобиль Колдера¹.

— Ой, обожаю Колдера, — сказала Мэй.

Рената улыбнулась:

— Я знаю. — Они вместе посмотрели на мобиль. — Этот раньше находился во французском парламенте. Ну, как-то так.

Ветер, влетевший в атриум за ними следом, повернул мобиль, и тот рукой указал прямо на Мэй, точно здороваясь с нею лично. Рената взяла ее за локоть:

— Готова? Теперь наверх.

Они вошли в лифт бледно-оранжевого стекла. Замигали лампочки, и на стенках Мэй увидела свое имя и фотографию из школьного выпускного альбома. ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ, МЭЙ ХОЛЛАНД. С губ ее сорвался невнятный «ой». Она не видела эту фотографию много лет — не больно-то и хотелось. Наверняка Энни подстроила — опять донимает Мэй этой фоткой. И впрямь Мэй — широкий тонкогубый рот, оливковая кожа, черные волосы, — но на портрете скуластое лицо суровее, чем в жизни, ни тени улыбки в карих глазах, холодный прищур, как перед боем. С тех пор — Мэй тогда было восемнадцать, только и делала, что злилась и сомневалась в себе, — она наконец-то набрала вес, лицо ее смягчилось, тело расцвело, и этот расцвет привлекал мужчин всевозможных возрастов и намерений. Еще со школы Мэй старалась быть открытее, терпимее и сейчас смешалась, увидев это свидетельство ушедшей эпохи, когда она ждала от мира худшего. Едва смотреть стало невыносимо, фотография исчезла.

¹ Александр Колдер (1898–1976) — американский скульптор, создатель абстрактных кинетических проволочных скульптур (мобилей).

— У нас тут везде сенсоры, ага, — пояснила Рената. — Лифт считывает твой идентификатор и здороваётся. Нам Энни эту фотку дала. Вы, я чувствую, не разлей вода, раз она хранит твои школьные фотки. Короче, надеюсь, тебе ничего. Мы так в основном с гостями поступаем. Они обычно ахают.

Лифт поднимался, и на стекле возникали списки сегодняшних мероприятий — картинки и текст переползали со стенки на стенку. К каждому объявлению прилагались видео, фотографии, анимация, музыка. В полдень — показ «Койяанискаци»¹, в час — мастер-класс по самомассажу, в три — упражнения для пресса. В половине седьмого в ратуше выступит седовласый, но молодой конгрессмен, о котором Мэй и не слыхала. Он возник на двери лифта — выступал со сцены где-то не здесь, без пиджака, рукава рубашки закатаны, в пылу сжимает кулаки, а за спиной полощутся флаги.

Двери открылись, и конгрессмен разъехался на полах.

— Прибыли, — сказала Рената, шагнув на стальную решетку узкого мостика.

Мэй глянула через перила, и у нее скрутило живот. Видно было вниз на все четыре этажа.

— Люди с вертиго здесь, наверное, не работают, — с напускной беспечностью заметила она.

Рената притормозила и обернулась в ужасной тревоге:

— Конечно нет. Но в твоём профиле говорилось...

— Нет-нет, — сказала Мэй. — Мне-то что.

— Я серьёзно. Можем перевести тебя пониже, если...

— Нет-нет. Правда. Тут красота. Прости. Пошутить хотела.

Рената, видимо, перенервничала.

¹ «Койяанискаци» («Жизнь вне равновесия», *Koyaanisqatsi*, 1983) — новаторский документальный фильм Годфри Реджио на музыку Филипа Гласса об отношениях человека и технологий.

- Ладно. Но если что не так, ты скажи.
- Скажу.
- Да? А то Энни просила все устроить как надо.
- Я скажу. Честно, — ответила Мэй и улыбнулась.

Рената, оклемавшись, зашагала дальше.

Мостик вывел на этаж — многокомнатный и многооконный, рассеченный длинным коридором. По бокам офисы за стеклом от пола до потолка, видно местных обитателей. Каждый украшал пространство по-своему — прихотливо, но со вкусом: в одном кабинете полно парусных атрибутов, в основном висят в воздухе на открытых балках, другой уставлен бонсаями. Мэй и Рената миновали кухню — серванты и полки стеклянные, приборы магнитные, аккуратно перекрещиваясь, цепляются к холодильнику, все освещено громадной стеклянной люстрой ручной работы — лампочки разноцветно сияют на оранжевых, персиковых, розовых щупальцах.

- Ну вот.

Они остановились возле офиса — серого, тесного, обитого каким-то синтетическим полотном. Сердце у Мэй екнуло. Почти в таком же офисе она работала последние полтора года. Первая деталь в «Сфере», которую не выдумали заново, которая напоминала о прошлом. Стены обиты — Мэй глазам не поверила, да быть такого не может — мешковиной.

Мэй понимала, что Рената за ней наблюдает, и знала, что сама таращится в некоем ужасе. *Улыбнись*, подумала она. *Улыбайся*.

— Нормально? — спросила Рената, мечась взглядом по ее лицу.

Мэй сложила губы в улыбку ненулевого удовольствия.

- Прекрасно. Вполне.

Она ожидала иного.

— Ну и славно. Привыкай пока, а скоро придут Дениз и Джосия, сориентируют тебя и помогут устроиться.

Мэй снова скривила губы улыбкой, а Рената развернулась и ушла. Мэй села. Отметила, что спинка кресла держится на соплях, а колесики заклинило, причем все разом. На столе компьютер, но допотопная модель, какой она больше нигде тут не видела. Все это ее огорошило; настроение стремительно падало в бездну, где провело последние годы.

А что, кто-то еще работает в коммунальных службах? Как это Мэй угораздило? Как она это выносила? Когда спрашивали, где она трудится, Мэй предпочитала врать, что она безработная. А если б не в родном городе — было бы легче?

Лет шесть презирала родной город, проклинала родителей за переезд, за то, что обрекли ее на это захолустье, на эту узость и нехватку всего: развлечений, ресторанов, просвещенных умов, — но в последнее время вспоминала Лонгфилд с какой-то даже нежностью. Маленький самоуправляемый городишко между Фресно и Транкуилити, наречен был в 1866 году фермером без капли фантазии. Миновало полтора века — население под две тысячи душ, и это максимум, большинство ездят на работу за двадцать миль во Фресно. Жить в Лонгфилде выходило дешево, родители ее подруг были охранниками, учителями, дальнотбойщиками и любили охотиться. В ее выпускном классе учился восемьдесят один человек — лишь она и еще одиннадцать на четыре года пошли в колледж, и она одна уехала восточнее Колорадо. Так далеко забралась, влезла в такие долги, а потом вернулась работать в коммунальной службе — это разбило сердце и ей, и ее родителям, хоть они и твердили, что она молодец, уцепилась за надежный шанс, начала выплачивать кредиты.

Коммунальная служба, «строение восточное 3б» — трагическая гора цемента с узенькими бойницами вместо окон. Офисы в основном из шлакоблоков, и все выкрашено тошнотворной зеленью. Как в раздевалке работаешь.

Мэй тут была моложе всех лет на десять, и даже те, кому за тридцать, произошли из другого столетия. Они дивились ее компьютерной грамотности — минимальной и типичной для всех ее знакомых. Но коллеги в коммунальной изумлялись. Называли ее *Черной Молнией* — вялый намек на ее волосы — и прочили ей «славное будущее» в коммунальном хозяйстве, если она удачно разыграет свои карты. Может, годика через четыре-пять, говорили ей, станешь начальницей отдела ИТ целой подстанции! Ее раздражению не было пределов. Не для того она поехала в колледж и выучила гуманитарщины на 234 000 долларов, чтоб потом вкалывать тут. Но работа есть работа, а деньги были нужны. Студенческие кредиты прожорливы, их нужно ежемесячно кормить, и Мэй согласилась на работу с зарплатой, а сама глядела в лес, как тот волк.

Непосредственным ее начальником был некий Кевин, якобы директор по технологиям коммунальной, который, как это ни странно, о технологиях ничегошеньки не знал. Он понимал в кабелях и распределителях; ему бы в подвале радиоприемники клепать, а не командовать Мэй. Изо дня в день и из месяца в месяц он носил одинаковые рубашонки с коротким рукавом, одинаковые галстуки ржавого цвета. Органы чувств от Кевина дурели: изо рта у него воняло ветчиной, а густые всклокоченные усы торчали из вечно раздутых ноздрей двумя звериными лапками, указуя на юго-запад и юго-восток.

И все бы ничего, пусть бы ему со всеми его изъянами, не верь он взаправду, что Мэй не все равно. Он полагал, будто Мэй, выпускница Карлтона, хранительница редких золотых грез, любит свою работу в службе газа и электричества. Будто Мэй расстроится, если Кевин сочтет, что, допустим, сегодня она неважно поработала. Вот это бесило несказанно.

Когда он зазывал ее к себе в кабинет, закрывал дверь, садился на угол стола — о, то были душераздирающие минуты. «Ты понимаешь, почему ты здесь?» — спрашивал

он строго, точно патрульный на шоссе. А когда был доволен тем, как она потрудилась, делал кое-что похуже — *хвалил*. Называл ее своей *протеже*. Ему нравилось слово. Так и представлял ее посетителям:

— Это моя протеже Мэй. Как правило, умненькая, — и подмигивал ей, словно он тут капитан, а она старпом, оба они пережили немало бурных приключений и навеки друг другу преданы. — Если сама об себя не споткнется, ей здесь предстоит славное будущее.

Это было невыносимо. Все эти полтора года Мэй каждый день размышляла, не попросить ли Энни об одолжении. Мэй не из тех, кто просит, кто молит о спасении, о помощи. У нее в характере этого не было — попрошайничества, назойливости, *приставучести*, как выражался отец. Родители ее были скромные люди, не любили навязываться — скромные, гордые люди, ни от кого не принимали подачек.

И Мэй была такая же, но эта работа прогнула ее, переменяла — что угодно, только бы сбежать. Все это тошнотворно, все, что ни возьми. Зеленые шлакоблоки. Взаправдашний водяной кулер. Взаправдашные перфокарты. Взаправдашные *грамоты*, когда кто-нибудь совершал нечто выдающееся. А рабочий день! Взаправду с девяти до пяти! Всё как из иных времен, забытых по заслугам, и Мэй казалось, что не только она сама тратит жизнь впустую, но вся коммунальная служба зазря тратит жизнь, впустую расходует человеческий потенциал и тормозит вращение Земли. Рабочий отсек в этой конторе, *ее* отсек, все это воплощал наглядно. Низкие стенки, которые якобы помогали целиком сосредоточиться на работе, были обиты мешковиной, точно любой другой материал рисковал намекнуть на более экзотическое времяпрепровождение. Она полтора года проторчала в конторе, где считалось, что из всех материалов, изобретенных человеком и природой, сотrudникам надлежит целыми днями созерцать мешковину. Грязную мешковину, такую, что

погрубее. Закупленную оптом мешковину, бедняцкую, бюджетную. О господи, сейчас подумала она; увольняясь, она поклялась не видеть, не трогать и вообще забыть напроочь о существовании этой ткани.

Мэй и не рассчитывала увидеть ее вновь. Часто ли мы сталкиваемся с мешковиной — ну, после девятнадцатого века, за порогом скобяных лавок девятнадцатого века? Мэй думала, что больше не придется, однако вот она, мешковина, — в мешковине весь ее новый офис, и от этой картины, от этой затхлости глаза у Мэй наполнились слезами.

— Мешковина тухлая, — пробормотала она.

За спиной раздался вздох, затем голос:

— Я уже думаю, что это была так себе идея.

Мэй развернулась — перед ней стояла Энни: кулаки сжаты, изображает надутого ребенка.

— Тухлая мешковина, — передразнила Энни и расхохоталась. Отсмеявшись, выдавила: — Фантастика. Спасибо тебе большое, Мэй. Я знала, что тебе не понравится, но хотела посмотреть, до какой степени. А ты чуть не плачешь. Господи, извини.

Мэй перевела взгляд на Ренату — та задрала руки: мол, не бейте.

— Это не я! — сказала она. — Меня Энни подговорила! Я ни при чем!

Энни удовлетворенно вздохнула:

— Мне этот отсек пришлось *покупать* в «Уолмарте». А компьютер! Сто лет онлайн искала. Думала, у нас в подвале завалялось какое старье, но вот настолько древнего уродства во всем кампусе не нашлось. Ой блин, ты бы видела свое лицо.

У Мэй гулко стучало сердце.

— Ты на всю голову больная.

Энни изобразила растерянность:

— Я больная? Я вовсе не больная. Я здорова как бык и прекрасна.

— Ты из кожи вон лезла, только чтоб я расстроилась? Дикость какая.

— И тем не менее. Так на вершины и лезут. Тут главное — спланировать, тут главное — реализовать. — Она подмигнула Мэй — вылитый разъездной торговец, — и та не сдержала хохота. Энни совсем психованная. — Все, пошли. Я тебе устрою экскурсию.

Шагая следом, Мэй напоминала себе, что Энни не всегда была топ-менеджером в «Сфере». Каких-то четыре года назад Энни училась в колледже и на лекции, в столовку, а также на ерундовые свидания ходила в мужских фланелевых пижамных штанах. Энни, как выражался один из ее парней — а парней у нее было много, все моногамные, все достойные, — была *дурочка*. Но она могла это себе позволить. Из богатой семьи, из семьи, разбогатевшей многие поколения назад, и ужасно смазливая — ямочки, длинные ресницы, а волосы до того светлые, что не бывает таких крашенных. Все знали эту кипучую девицу, которую, что ты с ней ни делай, ничегошеньки не тревожило дольше пары-тройки секунд. Но еще она была *дурочка*. Долговязая; когда разговаривала, жестикуляция ее угрожала здоровью собеседника; к тому же Энни склонна была к беседам подходить по касательной и увлекаться странным: пещерами, любительской парфюмерией, ду-уопом. Дружила со всеми своими бывшими, постоянными и случайными, со всеми преподавателями (знала их лично и слала им подарки). Участвовала или председательствовала в большинстве, а то и во всех студенческих движениях и клубах, но находила время усердствовать в учебе — да и везде, — а на любой тусовке чаще всех вела себя по-дурацки, чтоб остальные расслабились, и уходила последней. Единственное рациональное объяснение — а именно: Энни никогда не спит — реальностью опровергалось. Спала она бесстыдно, часов по восемь-десять в день, могла уснуть где угодно — в трехминутной поездке

на такси, в замызганной кабинке столовки возле кампуса, на любом диване — и когда угодно.

Мэй это знала по опыту, ибо в долгих поездках через Миннесоту, Висконсин и Айову на бесконечные и довольно бессмысленные забеги по пересеченной местности служила Энни как бы шофером. Карлтон частично оплатил учебу Мэй за ее членство в команде, где Мэй и познакомилась с Энни — та блистала, не напрягаясь, была двумя годами старше и лишь изредка интересовалась, проиграла или выиграла она сама или ее команда. То она увлекалась, дразнила соперников, насмеялась над их спортивной формой или результатами вступительных экзаменов, то совершенно охладевала к исходу забега, но с радостью бежала за компанию. В ее машине на дальних перегонах — Энни предпочитала, чтобы за рулем сидела Мэй, — она задирала босые ноги на боковое стекло или высовывала в окошко, без остановки гнала пургу по поводу пейзажа и часами рассуждала о том, что творится в спальне их тренеров, женатой пары с одинаковыми стрижками почти военного образца. Что бы Энни ни говорила, Мэй смеялась — болтовня отвлекала ее от забегов, где она, в отличие от Энни, обязана была выиграть или хоть не опозориться, дабы оправдать свою студенческую субсидию. Приезжали они всегда впритык к началу, потому что Энни забывала, в каком забеге участвует и хочет ли вообще бежать.

И как это возможно, что такая безалаберная и нелепая девица, до сих пор таскавшая в кармане клочок детского одеяльца, ракетой вознеслась к вершинам «Сферы»? Она теперь одна из сорока ключевых умов компании — Бригады 40 — и допущена к секретнейшим планам и данным. И смогла пропихнуть сюда Мэй, глазом не моргнув? И умудрилась все это устроить за считанные недели после того, как Мэй наконец задушила свою гордость и высказала просьбу? Вот доказательство силы духа Энни, ее загадочного, глубинного постижения собственной судьбы. Внешне Энни вовсе не проявляла пошлых амбиций,

но Мэй не сомневалась, что нечто в душе подруги толкало ее вперед, что Энни очутилась бы на этой должности вне зависимости от своих корней. Родись она в сибирской тундре, слепой и в пастушьем клане, сейчас все равно оказалась бы здесь.

— Спасибо, Энни, — произнес голос Мэй.

Они миновали несколько конференц-залов и комнат отдыха и шли теперь новой корпоративной галереей, где висели полдюжины работ Баскии¹, недавно выкупленных у почти разорившегося музея в Майами.

— Да ну, — сказала Энни. — И прости, что ты в Чувствах Клиента. Звучит погано, я понимаю, но, чтоб ты знала, примерно половина топ-менеджеров начинали там. Веришь мне?

— Верю.

— И молодец. Я правду говорю.

Они вышли из галереи и заглянули в кафетерий на втором этаже («“Стеклянная кормушка”, идиотское название, я понимаю», — сказала Энни); люди здесь ели на девяти этажах — и везде стеклянные полы и стены. На первый взгляд — как будто сотня людей жуют, зависнув в воздухе.

Они осмотрели «Комнату займы», где любому сотруднику забесплатно одалживали что угодно, от велосипедов до телескопов и дельтапланов, и перешли к аквариуму — любимому проекту одного из основателей компании. Постояли, посмотрели — за стеклом высотой в человеческий рост без причин, без малейшей логики всплывали и тонули призрачные ленивые медузы.

— Я буду за тобой приглядывать, — сказала Энни. — Как начнешь совершать что-нибудь прекрасное, я всем стану трезвонить, и ты там надолго не удержишься. Народ у нас растет вполне исправно, а мы, как ты знаешь, со стороны наверх почти не нанимаем. Работай хорошо,

¹ Жан-Мишель Баския (1960–1988) — американский художник-неоэкспрессионист, в 1980-х — соратник Энди Уорхола.

в бутылку не лезь — сама удивишься, как быстро выскочишь из Чувств Клиента и получишь что посочнее.

Мэй заглянула ей в глаза, блиставшие в аквариумном свете.

— Не волнуйся. Мне тут где угодно хорошо.

— Лучше на нижней ступеньке лестницы, куда хочешь взобраться, чем посреди лестницы, куда незачем лезть, а? Говенной какой-нибудь лестницы из одного, *****¹ в рот, говна.

Мэй засмеялась. Ее потряс контраст: такое нежное личико — и такая грязь изо рта.

— Ты всегда материлась? Я что-то не помню.

— Я матерюсь, когда устаю, а устаю почти всегда.

— Ты ведь раньше была нежный цветик.

— Прости. *****², Мэй, прости! *****-колотить³, Мэй! Ладно. Пошли еще посмотрим. Псарня!

— Мы работать-то сегодня будем? — спросила Мэй.

— А мы что делаем? Мы работаем. Вот твои задачи на первый день: осмотреться, познакомиться, попривыкнуть. Это, знаешь, когда стелешь в доме новые деревянные полы...

— Не знаю.

— В общем, когда стелешь полы, они десять дней должны просто лежать, чтоб дерево привыкло. А потом только стелешь.

— И в этой аналогии я дерево?

— Ты дерево.

— И меня постеляют.

— Да, мы тебя потом постелем. Забьем в тебя десять тысяч гвоздиков. Тебе понравится.

¹ Оприходованный в сексуальных целях; выражение употребляется в переносном смысле.

² Экспрессивное междометие, здесь и далее не являющееся обращением и происходящее от названия представительницы сферы сексуальных услуг, следующей своей стезе сугубо по призванию.

³ Осуществлять половой акт, проявляя чувства к партнеру грубым способом; употребляется в переносном смысле.

Литературно-художественное издание

Дэйв Эггерс

СФЕРА

Роман

Перевод *Анастасия Грызунова*

Редактор *Елена Микерина*

Корректоры *Виктория Рябцева,*
Елена Кочугова

Художник *Елена Сергеева*

Директор издательства *Алла Штейнман*

Подписано в печать 20.04.2023. Формат 84×108/32.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 23,52. Заказ № 2302000.
Тираж 2500 экз. Гарнитура «Times Ten».

Издательство «Фантом Пресс»:

Лицензия на издательскую деятельность
код 221 серия ИД № 00378 от 01.11.99 г.

127015 Москва, ул. Новодмитровская, д. 5А, 1700

Тел.: (495) 787-34-63

Электронная почта: phantom@phantom-press.ru

Сайт: www.phantom-press.ru

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного электронного оригинал-макета
в ОАО «Ярославский полиграфкомбинат»
150049, Ярославль, ул. Свободы, 97.

*По вопросам реализации книг
обращаться по тел./факсу (495)787-36-41.*

ISBN 978-5-86471-937-4

9 785864 719374 >